

Эльдар Бадырханов

ЖИЗНЬ

Эльдар Бадырханов

ЖИЗНЬ

«Издательские решения»

Бадырханов Э.

Жизнь / Э. Бадырханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833227-2

Автобиографическая книга о жизни на стыке 80–90-х в большом восточном городе. Перемены оборачиваются враждой, оживают старые обиды, закипают улицы, танки не в силах остановить недовольных, а национальное возрождение начинается с погромов и заканчивается войной. Но не все так плохо: солнце, ветер, пряные запахи, весна и юность.

ISBN 978-5-44-833227-2

© Бадырханов Э.
© Издательские решения

Содержание

1. События	6
2. Гетто	15
3. Красное солнце	23
4. Изгнание	27
5. Смерть	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Жизнь

Эльдар Бадырханов

© Эльдар Бадырханов, 2016

ISBN 978-5-4483-3227-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. События

Отец родился в рабочем поселке – скопище бараков при фабрике, а вырос уже в своем доме, который построил мой дед – в поселке Разина на 3-й Араблинке. Название пошло от псевдонима актера театра и немого кино Араблинского, убитого кузеном за то, что играл женские роли. В честь актера назвали то ли улицу, то ли поселок, но народ у нас сам тасовал свои околотки как хотел, и с этим вынуждены были считаться даже почтовые власти. Араблинка стала кварталом поселка Разина. Разинская гора, царица окрестных холмов, с внушительной пещерой, где, по вполне официальному преданию, Степан Разин останавливался и прятал сокровища, возвышалась над ж/д станцией Разина.

1-я Араблинка примыкала к станции, потом шла 2-я Араблинка, а следом наша, 3-я Араблинка, полностью застроенная частным сектором. По названию фильма 1916 года, звездой которого был несчастный актер, «В царстве нефти и миллионов», можно догадаться, на окраине какого города пытались увековечить его память.

Отец рос «араблинским», и он хорошо помнил, кто где жил, у кого какой был садик, где располагались бараки и финские домики, а где – древний, еще деревянный магазин и распивочная – там послевоенные мужики, сняв кепки и почесываясь, запрокидывали водку и пиво, закусывая воблой, винегретом, а пиво и местной экзотикой – вареным горохом нут, пересыпанным крупной серой солью.

Рустам с детства человек без крайностей, умудрялся дружить как с «интеллигенцией» поселка, так и с хулиганами.

У нас в районе водились и настоящие блатные, и даже воры в законе. Были среди них люди с понятиями, спокойные, были отморозки. Но нередко в тюрьму попадали за какие-то незначительные проделки. Товарищ Рустама, парень с соседней улицы, худой и сутулый лезгин Манаф, получил срок за ножевое ранение.

– Товарищ судья, я шел домой, темно, поздно вечером. Ко мне трое пристали в автобусе. Я выскочил и стал бежать. Они меня догоняют. У меня здоровья нету, я же не спортсмен, бегаю плохо. Ну, развернулся и первому засунул ножик в ляжку. Перочинный ножик. Я же не хотел убивать, я в задницу хотел ему воткнуть... А этот фраер как завизжал... Крови много пошло, да.

Попадались и саморазрушающиеся типы. Некто Манюня взрезал вены в белой горячке и кровью написал на побеленной стене «Манюня». Поставил точку и умер.

«Культурными» в те времена у нас на районе в основном считались дети русских офицеров – множество семей военных получили участки в этих местах. Сложился даже целый «военный городок» – однотипные домики с богатыми садами неподалеку от нас. Он все уменьшался и уменьшался, мы с пацанами обчищали сады, а в старину просто так и не попасть было на его территорию. В пору моего детства там доживали свой век армейские пенсионеры в небольших званиях.

Флиртуя с офицерскими дочками, играя с ними и их братьями в «дурачка» и шашки, а с хулиганами в «альчики», а потом в нарды и «покер», Рустам вырос без тоски. Бедно, но опрятно, не голодно. Не воровал, не сидел, даже не стоял на учете в милиции. Выглядел как хулиган, но зачинщиком драк не был, худой, папирота «Беломор» в уголке рта, не патлатый, а с чубчиком, в кепке; пиджачок, а не замшевая курточка, не «Битлз», но Валерий Ободзинский. После восьмилетки – нефтяной техникум. Если и дрался, предпочитал бить головой: очень удобно, если на противнике пиджак или куртка – есть за что схватиться, пояснял он. Так навесил, ухватив за модный воротник, здоровяку, однокласснику армянину Диме, вроде из ревности, тот за Эллой увивался, но такой романтический поступок только отвращение у нее вызвал.

По окончании техникума, вместо того чтобы развиваться до советского инженера, пошел работать водителем, шофером, как говорили тогда. Араблинка рождает одних шоферов, говорила его жена, моя мама, вкладывая в это утверждение весь свой центральный снобизм. На Северном флоте, куда его призвали, папа хитро утаил среднее специальное да вдобавок заявил, что восьмилетку закончил на национальном языке.

По правде, Рустам начал складно говорить по-азербайджански в армии, став вроде переводчика для салаги из Баку. Тот не знал ни слова по-русски и не ел сала. Добрый майор в конце концов плюнул и поменялся с ним: вместо походного пайка отдал домашние бутерброды с докторской. Рустам был годен по здоровью к «службе на надводных кораблях», но такая романтика, да еще длиной в три года, ему не пришлась по душе. А с восемью нерусскими классами оставили на берегу, в морской авиации на два года. С правами, шоферским стажем, по-русски говорит отлично, хоть и с певучим акцентом – доверили возить командирских детишек в школу Североморска на автобусе. И снова стал флиртовать с офицерскими дочками, старшекласницами.

Да, в службе шофером при таком климате найдутся сложности: вставать во мраке и перевозимом холоде раньше всех и копать в моторе фанерного автобуса в лютые метели, и забуксовать, и застрять, и замерзнуть. Но в бардачке хлеб и лук, есть папиросы. Строй не для него, подвозить ракеты к самолетам скорее курьез, стрельба – пару раз в учебке. Оружие его никогда не привлекало, а машины всегда.

Ночью, когда возвращаешься еще в войну построенную казарму, где вдувают в широченные щели ветра Заполярья, можно собрать со спящих шинели и устроиться потеплее. Главное, с утра раньше всех встать. Ночью своя, отдельная жизнь: здоровенные кочегары, голые по пояс, жарят в топке целых кабанов с подсобного хозяйства и пьют спирт. Позвали, налили кружку и угостили мясом. А «деды»? Какие сейчас «деды», полтора года служат и «дедами» становятся, поговаривал папаша. Раньше «деды» по три года служили, ну что, молодым дадут пару раз по заднице табуреткой и все.

Потом целина, танцы в деревенских клубах, воспаление легких и больница в Тульской области, Дон, Подкумок и Алтайский край – морская форма – красиво. Если резко рулить на поворотах на пути к элеватору, девки в кабине летят на тебя, хохочут и ругаются.

Служба осталась мощным впечатлением его жизни, географическим точно – путешествовать он страшно не любил, любил сидеть в своем дворике, смотреть на свои розочки и курить, курить.

Добился расположения Эллы, писал из армии, долго ходил на свидания, в кино и на Бульвар, нашу знаменитую набережную.

Он был беден и опрятен, в аккуратно выглаженной рубашке и всегда с непросохшими волосами, мыл голову и тщательно причесывался на ходу, торопясь на встречу. Карманные деньги водились, а телевизора дома нет, купил как раз перед визитом невесты с родителями. Элла, чтобы разрядить напряжение, попыталась включить телик, провинциально накрытый будущей свекровью белой салфеткой. Жених подавал глазами знаки, но она не поняла, и легкий конфуз вышел: телевизор стоял – но к антенне не подключен, да и никакой антенны на крыше нет.

Женился в двадцать пять, ведь после армии надо жениться, он даже запаздывал. Сам полукровка, полулезгин-полуармянин, женился на армянке. Маме он не нравился: его отсталость, его кепка и пиджак, и немодные штаны, и бесил чубчик, и «монголо-татарские» усики, и нездоровая сутулая худоба. В армии подрос, выпрямился, плечи стали шире, пушок давно сбрит, худоба обернулась модной subtilностью семидесятых. После армии пошел модные клеша, и по совету невесты изменил прическу, осторожно пооброс и завел умеренные бакенбарды по моде. Элла продавала его, Григорий видел зятем непременно армянина, но тесть был

мягким, а теща просто понимающей и смогла отрубить: эх, лезгин и лезгин хотя бы мама у него армянка, и ладно.

Там, в юности и в армии, сложился папин характер, его идеология умеренного хулигана, не сидевшего, но исповедующего уличный консерватизм. Бунтовать несолидно, но выслуживаться тошно и беспонтово, для деревенских выскочек. Офицерские погоны папа уважал, но на своих плечах не представлял. В мечтах иногда воображал себя морским офицером, когда долго не отвечала Элла, думал, как в отместку не вернется в Баку и станет адмиралом. Но наяву идти в училище, в военные – нет, дураков нет по команде жить. Сержантские лычки просто презирал – достойнее быть рядовым. На фото из армии лучше стоять вразвалочку с папиросой в зубах, кроме фото из ателье для невесты, конечно. Папа единственный, из потока дембелей, который уволился в форме по уставу, без аксельбантов и россыпей пестрых значков на груди, даже комсомольского не было – он не вступал в комсомол.

Коммунист, комсомолец – слова презрительные, с особой язвительной интонацией проносимые... Ты что, коммунист? Ну, ты коммунист... Но Сталин – настоящий мужчина, а Брежнев – мужик, хороший человек, всем дает пожить, понимает народ. А все равно в парт-орги идут выскочки, нацепившие галстук. Нормальный чувак галстук носит раза два-три в жизни, один раз на свадьбу – на свадебных фото, черно-белых, он обросший и в галстук, с видом почти кротким, похож на француза из кино. Потом, лет в тридцать, отрастит усы, станет вроде Мимино, потом будет стричься короче, усы останутся, и будет он напоминать все больше и больше Сталина.

Начальником бы не стал, но Элла заставила. Пришлось ему нехотя все свои накопленные на фабрике связи задействовать, напоминать о себе. О, как он этого не любил... Но пришлось. В партию не вступил, но стал завгаром мебельной фабрики «Красный Азербайджан», а позже начальником автоколонны Минлеспрома республики. Все как у людей, с трудом «Москвич 2140» в кредит, цветной телевизор в кредит, с превеликим напряжением долговременные ремонты и перепланировки, сразу после женитьбы «отделился», разделил дом на две части, с двумя отдельными входами, потом прирастал комнатами. Помогала фабрика: то доски, то стройматериал там списал, здесь достал. Все как у людей, ты – мне я – тебе, как разрешил Брежнев-мужик.

На своей половине Рустам и Элла лет пять мучились с третьим ремонтом, окончательно превратившим наше жилище во вполне современную трехкомнатную квартиру.

О некоторой претензии на роскошь свидетельствовали двойные дубовые двери со стальными полированными ручками, предназначенными для кают кораблей; финские обои и кирпичный камин с огромным зеркалом и гипсовой головкой Венеры, которую прилепил утонченный печник Иса, курильщик опиума. Камин Иса соорудил, переделав до неузнаваемости старую «голландку». Раньше ее топили дровами, потом поставили газовую горелку. Печь была обшита листами железа и неплохо обогревала, а камин совсем получился бестолковым.

И как только зажили папа с мамой прилично, с «Москвичом» и ремонтом, так начались *события*. Время разделилось на «до событий» и после, или, как он стал говорить, до войны.

В феврале 1988 года в Степанакерте началось бурление, вернее, оно тогда докатилось до нас. Армяне автономии требуют выйти из Азербайджана и войти в Армению. Папе это кажется блажью, он рассказывает о невиданных прежде волнениях с улыбкой, но на всякий случай понизив голос.

– Там, говорят, демонстрации, как на Западе. Митингуют, прыгают на месте, кричат, скидывают кулаки на главной площади. Наши шофера в командировке были, рассказывали на работе. У них флаги, плакаты, прямо как за граница.

В Нагорном Карабахе он бывал в командировках, и не верит, что армян притесняют. Везде армянская речь, все написано по-армянски, от вывесок до табличек на кабинетах – начальники армяне, а немногочисленные азербайджанцы шофера да сторожа.

Степанакертский горисполком митинговать разрешил. Городская власть поддерживает лозунг о воссоединении автономной области с Арменией. Именно воссоединение – Миацум по-армянски.

«Миацум! Миацум!» – скандируют в Степанакерте. Митингующие называют свою автономную область не Нагорным Карабахом, но Арцахом.

Азербайджанское руководство воспринимает новости из Карабаха с нервической агрессивностью. Еще в декабре карабахские армяне собрали подписи за отделение, их поддерживают в Ереване. Несколько армянских делегаций уже побывали в Москве: везут подписи, петиции, документы, встречаются с влиятельными людьми.

– Студенты митингуют на площади Ленина перед Домом правительства. Кричат «Гарабаг бизимдир! Карабах наш», – сказал дома папа еще через несколько дней.

Скоро уже не только разговоры вполголоса, но и пресса и телевидение пишут и показывают, по привычке тарыхтя о дружбе народов. Москва против перекройки границы, за то, чтобы Карабах остался в Азербайджане, но в народе этому не верят, пошел слух: Горбачев продал Нагорный Карабах армянам! Появились какие-то перепечатанные листки, подметные брошюры. Разговоры были смелее брошюр и листков. Рассказывали, что генсек еще в бытность первым секретарем Ставропольщины с армянами, которых там, как известно, много, завел знакомства, «дела крутил». Говорили, он подкаблучник и обязан всем супруге – Раисе Максимовне. Ей, элегантно одетой, завидовали, а еще всем было непривычно, что везде жена, баба, сопровождает вождя. Значит, она делает политику, а он еще и подкаблучник.

– Райка за Карабах получила такое кольцо с таким уникальным бриллиантом, что миллионы стоит! Миллионы долларов! А это только начало!

– Да ладно...

– Есть даже картинка в журнале «Шпигель», знаете, это самый главный немецкий журнал. Там рука Райки с кольцом этим над картой Нагорного Карабаха. Мне знакомый сказал, что сам видел, говорит, мен олюм, чтоб я сдох. И интервью там с ней и с Горбачевым, они сказали, что, мол, Армении отдадим Карабах.

В Баку недовольство растет и национальная гордость раскаляется.

– Наши люди не могут спокойно жить в своей республике. Приезжает культурный молодой человек из района и хочет устроиться на работу. И что?

– Что?

– Ему надо заявление писать только на русском! Он приходит и начинает умолять, язык да заявление мени учун. Умоляет армян, русских. Потому что не может написать, учился на азербайджанском. Это не значит, что он тупой. От него отмахиваются, потом смотришь: какая-нибудь фифа сжалится, опустится до него и напишет за шоколадку.

– У нас государственный русский да язык. Мы в СССР живем...

– А почему у вас в Армении не так? У вас полная национализация, все на армянском.

– Ара, зачем э ты говоришь: у вас в Армении? Мне что эта Армения. Мы все бакинцы, да... Бакинцы – это отдельная нация. Районские бакинцами не станут.

– Районские – это наша нация, азербайджанцы. А что, из-за того что языка русского не знают, их притеснять? Они на своей земле!

– А я не на своей земле? У меня здесь все родились: и отец и дед. Я здесь родился!

– Азербайджанцу трудно карьеру сделать в своей республике, а у вас все армяне на должностях.

– Вот этого не надо, да! Раньше, может, так и было, но в последние лет 15—20 уже не так. Всегда шеф коренной нации, азербайджанец, а его зам – армянин или русский. Потому

что шеф – чушка. За бабки институт кончил, за бабки устроился, за бабки должность купил. А ничего в работе не понимает!

Потом зазвучали и резкие упреки.

– Вы готовились к этим событиям заранее, а нас застигли врасплох!

– Я не готовился, мы осуждаем этих горлопанов в Карабахе. Все из-за них, этих националистов, дашнаков.

– Вы наш хлеб кушаете!

– Чей хлеб? Твой я хлеб кушаю?! Я на свой хлеб честно зарабатываю!

– Мы, мои родственники, отдали пятнадцать девушек азербайджанцам по соседним селам в Карабахе, а взяли семь. Как нам быть теперь, что делать? Я из Баку уеду, мне не трудно. Что им делать, этим смешанным семьям?! Представляешь, Рустам, а детям? Дети у них метисы, как они жить будут? К какой нации они примкнут? – громко, раздраженно говорит папин сотрудник, пожилой армянин.

– Рустам, уезжать из Баку надо армянам, и тебе, если с женой жить хочешь. Скоро все будет очень плохо.

– Да ладно, Москва не допустит.

– Вот помяни мое слово.

Куда уезжать? Папа из тех, кто не любит авантюру, он не перекасти-поле. У него одна жена, одна прописка, он никогда не менял работу, пошел после техникума на фабрику, где трудились отец и мать водителем грузовика и работницей матрасного цеха.

У него были планы и учиться в России, и уехать по комсомольской путевке на Север, но то все больше планы Эллы, жены, которая не любит Араблинку, тоскливую деревню, с курами, гусями и баранами. Араблинка тоже Баку, а Баку он знает и любит, знает все дороги, повороты, улицы, поселки и закоулки. Но на Араблинке он знает всех и у него свой дом, а в других районах поди попривыкни. И как жить в бетонной клетке? Да и сложно это все: вставать на учет, пускаться на квартирные махинации, а он сложностей не любит.

Азербайджанский язык сближает его с титульной национальностью, среди них в почете профессия шофера, они обожают машины, кухня – пальчики оближешь, гостеприимны, юморные, у них много народной мудрости, пословиц и поговорок и в цене настоящие мужчины. С азербайджанцами он общался и раньше, но это были русскоязычные араблинские ребята, учившиеся в «русском секторе». Они общались на усеченном русском, засыпанном блатным жаргоном 30-х, с вкраплениями азербайджанских слов и армянских междометий. Это основной уличный язык того Баку с дикими для приезжего русского уха интонационными выкрутасами. Местные русские тоже им заражались.

На работе он познакомился с парнями из мусульманских окрестностей Баку, старинных поселков Апшерона. Они говорили дома по-азербайджански, читали книги и газеты на азербайджанском, их матери обильно сдабривали стряпню пряностями, желтили шафраном и сарыкёком, они праздновали Новруз, их женщины пекли шекербюру и вели себя на людях покорно, как тени.

У них есть друзья и товарищи армяне и русские, но мусульманин им ближе. Совсем близким никогда не стать, совсем близкий им родственник и земляк. Они называют себя бакинцами, в отличие от «районских», провинциалов, но для Эллы они все одинаковые, чужаки, чушки, как уничижительно называют таких в центре города. Мусульмане – называют себя они, простые люди, особенно пожилые. Название «азербайджанцы» только в 1930-е получило распространение.

У него вообще нет своих, своего клана, дядюшек, тетушек, двоюродных и троюродных братьев. Его отец сам чужак в этом городе, из дагестанского селения, отец и мать – сироты. Хоть лезгин и армянка, да без семьи и без роду и племени в Баку. Живи как хочешь, не знаешь на языке отца ни слова – и ладно, но отца надо чтить, и «нация» передается по отцу.

Сотрудник Рустама Миша Мокроносов, маленький, крепкий пузан, в 16 лет «записался» армянином, у него мать армянка, а отец русский. Отец его такого позора Мише простить не мог и пять дней гонялся за ним, чтобы прибить. Но Миша был непреклонен, он желал быть армянином. Так им и стал. Умело жонглировал армянским лексическим минимумом барэв дзес и цавэт танэм, женился, правда, на русской, но русским ни за что не хотел становиться. Как начались в феврале митинги в Степанакерте, Миша не избегал разговора о том, чья где земля, и всегда был готов подискутировать о Великой Армении от моря до моря. Армяне – сила!

А в ноябре, когда по фабрике «Красный Азербайджан», которая уже стала мебельным объединением, гонялись уже за полысевшим Мишей, ведь он заявил себя армянином.

Миша Мокроносов, запыхавшийся, красный как рак, подбежал к Рустаму и схватил его за руку, выпятив и без того выпученные глаза. Загнанный, он с трудом выдыхал и выплевывал слова. Это было бы смешно, но времени на смех не было.

– Погнались... погнались за мной, суки... ара суки э – Мише не удастся толком перевести дух.

– Пошли быстрее, что стоишь.

– Куда? Рустам, они меня убьют! Куда спрятаться? Куда бежать?!

– Ко мне в кабинет.

В кабинете Миша дрожащими руками держал стакан, пил воду.

– Рустам, что делать? Убьют э гады. Зачем я на работу пришел только сегодня?

– Тихо сиди как мышь, я тебя закрою, – сказал Рустам и, не сдержавшись, заулыбался.

Миша выглядел комично. Вот ему и пришла расплата за Великую Армению.

Снова закурил, вышел и быстро закрыл кабинет. Перед кабинетом собралась толпа из пары десятков молодых рабочих с зелеными повязками на головах, их окружили сочувствующие зеваки. К Рустаму подскочила Зейнаб, крепкая, молодая бабенка из простых работниц, любительница поорать, поскандальить. С мужиками заигрывала, за словом в карман не лезла.

– Где эрмени? Здесь армянин пробежал, ты его не видал? Вроде Миша зовут? Интересно, куда он мог убежать? – спросила она по-азербайджански у отца, озадаченно тараща глазами по сторонам.

– Какого армянина? – Рустам выпустил дым и улыбнулся.

– Ну армянин этот, Миша! Куда он мог отсюда сбежать?! – вмешался еще один с повязкой.

– Вы кого имеете в виду? Мокроносова?

– Да, да, его самого.

– Мокроносов вообще-то русский, – Рустам затянулся и улыбнулся еще раз. – Он не армянин, он русский – Мокроносов Михаил Владимирович.

– Нет, нет, мы знаем, он армянин. Он по-армянски говорил, армян хвалил и сам говорил, что он армянин.

– Да вообще у него самого мать армянка, – ткнула одна тетка в сторону Рустама. – И жена армянка!

Папаша нахмурился, окинул собравшихся самым тяжелым, замедленным и проникновенным взглядом, на какой был способен, и веско выпустил дым.

– Ну и что, у кого-то душок есть лично выйти против него? – насмешливо спросил азербайджанец Абульфаз, «афганец», один из папиных водителей.

Зейнаб, улыгнувшись, важно подняла руку, увлекая людей за собой.

Абульфаз любил люто подначивать армяноненавистников, включая в своем грузовике на полную громкость песни Боки. Между блатняками на русском попадались песни на армянском языке или армянские фразы. Или звучал знаменитый свадебный хит – «Завокзальная улица моя»! Абульфаз для пушего эффекта открывал двери, вылезал и страстно приплясывал.

Зеленые повязки и примкнувшие к ним возбужденные тетki гоняли по территории предприятия армян почти легально. Директор, грозный толстяк шеф, его рык вгонял в дрожь даже закаленных начальников цехов и отделов, дорогой Низами Рамизович, сидел в своем кабинете тихо как мышь. К нему ворвались, он посмотрел на них тяжелым взглядом. Удостоверившись бегло, что армян в кабинете нет, вошедшие вышли вон.

Низами Рамизович почуял, что это не февраль, это не хулиганство, а национальное возрождение. После сумгаитского погрома он выдвинул идею вытачивать на токарных станках деревянные дубинки. Вооружившись таким образом, азербайджанцы, рабочие и комсомольцы с красными повязками на руках, должны были провожать армянских коллег до автобусной остановки. Он готов был их возглавить, если надо. До этого не дошло, но главное обозначить позицию. Но сейчас и ветры дуют не те, и он в одночасье перестал быть крепким хозяином со своей сауной, где сгонял модными массажами жир, с уютной чайханой с фонтанчиком, с подпевалами, поваром, шофером, искусными умельцами, которые сделали на даче мебель по западным каталогам, но гораздо прочнее, не то что его – слона выдержит, он прыгал, проверял.

Шеф не может защитить даже своих людей. Наталья Михайловна, некогда властный зам, спешно увольняется и боится нос на предприятии показать; начальница отдела кадров, его подружка, которая даже и не армянка, а русская, но любила потрепаться о каких-то своих армянских корнях, сидит в кабинете запершись. На нее орали и пальцами грозили.

Рустам все курил на улице у кабинета. Он же начальник, должность ответственная, семьдесят грузовиков в подчинении. Машины казенные лучше стеречь неусыпно, мало ли что в голову придет этим хулиганам, а потом отдувайся. Но машины все на месте или в командировках по районам Азербайджана. Шофера народом сознательным оказались. Ими, конечно, управлять сложновато, они могут и нахамить начальнику, но на такую ерунду, как патриотизм, их подвигнуть сложно. Шофер – это хоть и часть народа, но все же больше о своей машине думает и как не совсем легальный груз вывезти с предприятия или обыденно украсть паркетную доску или фанеру. Как заработать «левые деньги», как достать запчасти к машине, хоть и государственной, но родной, как «наколоть» шефа и разжиться талонами на бензин. А потом кататься вдоволь или налево бензин продать. И делиться надо с начальством, а как же.

Молодые люди с зелеными повязками на головах, парни и девушки, еразы, районские и бакинцы, выходцы из апшеронских поселков, стали группками отпочковываться от площади Ленина и маршировать по городу. Вскидывая правую руку с зажатым кулаком, они кричали – «Смерть армянам! Смерть армянам»!

– Элла, не ходи на работу и завтра. И вообще, наверное, увольняться придется... Там на улицах толпы, и по предприятиям шарят. Армян ищут. Вот сейчас видел их, по улицам идут. Говорят, будет страшнее, чем в Сумгаите... – папа приехал домой гораздо раньше обычного, часа в четыре.

На площади Ленина нескончаемый митинг, и его показывают по телевизору. Страшно уже не только армянам, затаившимся как мыши, но и русским неуютно, и русскоязычным. Наши пацаны идут на площадь тусоваться, любители выпить и пообщаться, как наш сосед Совет, хороший ераз, подтягиваются за халявой: водкой и шашлыком. Не все собравшиеся, конечно, готовы громить армян, они больше за справедливость. Мы люди хорошие, но Карабах бизимдир, и нечего армянам там еще вырубать «реликтовые деревья», чтобы построить то ли пансионат для армян, то ли вредное производство – в общем, накопело!

В Баку ввели особое положение и комендантский час с 22.00 до 5.00.

Дряхлеющий генерал-полковник Тягунов, похожий на усталого, старого коня, с потухшими глазами, которые скрывали слегка дымчатые очки, был назначен комендантом особого района города Баку.

Генерал говорил монотонно, без эмоций, и, когда он зачитывал свой первый приказ по республиканскому телевидению, казалось, что, закончив читать, он задремлет, как член брежневского политбюро. Тягунов никому не угрожал, лишь зачитывал список районных и транспортных комендантов. И в метро был назначен комендант. Пара комендантов была с мусульманскими фамилиями, услышав их, азербайджанцы приободрились.

Основным источником информации о происшествиях в городе стали сообщения комендатуры особого района города Баку. Их зачитывал поначалу сам Тягунов, видимо, не доверяя дикторам. Еще сводки публиковали в газетах «Вышка» и «Бакинский рабочий», а может, где-то и еще. Я их вырезал и собирал.

В город перебросили танки. В количестве достаточном, чтобы хоть раз в день попасться на глаза жителю любого района.

Вечерами колонны двигались с ленивой, мощной слоновьей грацией. Танки танцевали, как мультяшные зверушки в заставке программы «В мире животных», целовались хоботами пушечных стволов, образуя своеобразные арки, через которые должны были проезжать редкие машины, водители которых имели специальные пропуска. Еще это было похоже на неравную игру в ручеек. За шатание по улицам, а тем более вождение машины во время комендантского часа можно было получить 30 суток ареста, об этом тоже предупредили.

Все машины после 22.00 досматривались. «Стой, комендантский патруль!» Шлагбаумы с такими надписями появились чуть ли не на каждой улице. Не остановишься – получишь очередь. Хорошо, если по колесам, значит повезло.

Две боевые машины десанта стояли у нашей школы, танк и две боевые машины – у стратегического объекта – продовольственного магазина. Солдаты в бушлатах развалились на броне.

Ночами режут, гудят, передислоцируются, перекрывают дороги, оставляют следы на асфальте. Даже нашу тихую, окраинную улицу поместили своими гусеницами. Идешь с утра в школу – и под ногами свежие вмятины на асфальте. А днем отдыхают, стоят.

Введенные в город солдаты делились на две основные группы: вальжанные десантники и слегка пришибленные военнослужащие внутренних войск. «Десантура» была модной: камуфляж, легкие «броники», автоматы со складными прикладами. Солдаты внутренних войск в длинных шинелях смотрелись каким-то средневековым ополчением. Сходство усиливали шлемы с забралами, металлические щиты и длинные неуклюжие бронежилеты, скорее похожие на доспехи рати из йоменов. Еще полагался автомат с деревянным прикладом и дубинка. Часто эти солдатики, в отличие от ладных десантников ничуть не спортивного вида, еле передвигались в таких доспехах. А ходить им предстояло много, патрулировали улицы именно они, а десантники лишь сидели на броне и ждали полевой кухни, лениво покуривая и сплевывая. Иногда патруль из двух «вэвэшников» сопровождали мент и дружинники с красными повязками на рукавах.

Мы общались с солдатами, стоявшими у школы и магазина. Заходили они и в школьный буфет, где их угостил пончиками наш молодой военрук Дадаш Дадашевич. Однажды мы с пацанами скинулись и купили для десантников несколько пачек «Примы».

Воины охраняли школу, а вернее самих себя. Был тихий, пасмурный день. Только один десантник, парень с лицом красивым и более интеллигентным, чем у товарищей, отказался от «Примы», немного высокомерно заявив, что курит с фильтром. Остальные были сдержанно рады подарку, улыбались нам, пригласили залезть на броню и заглянуть в открытые люки.

Солдаты с простыми открытыми лицами, которых едва касалась бритва. Как говаривал мой папа про такие лица, бриться бы им вафельным полотенцем. Смерть их не поджидала на каждой нашей улице и в наших подворотнях, то вторжение было бескровным.

К солдатам большинство азербайджанцев относилось равнодушно. Пока еще никто не воспринимал русских как оккупантов. Гуди, шуми, митингуй, а русские в своем праве, захотят и войска введут, мы же в Советском Союзе живем.

Генерал Тягунов быстро и легко занял город и взял в осаду площадь Ленина. Ее сразу оцепили танки, бронетехника, грузовики и солдаты. С каждым днем кольцо становилось все теснее, теснее. Людей не разгоняли, но психическая ползучая атака шла вовсю, танки ревели, заведенные моторы заглушали слова, их выхлопы мешали дышать. Площадь редела, остались самые упрямые. Потом танки стали вползать в толпу, народ разбежался, боясь давки, но никого не давили. Немного попугов и испытав на прочность фанатиков, готовившихся под них ложиться, ревущие машины давали задний ход. Войска теснили людей щитами, кое-кого побили, отсекали группками, устраивали газовые атаки «Черемухой».

5 декабря 1988 года по телевизору зачитали очередную сводку комендатуры особого района города Баку. В ней сообщалось, что площадь Ленина «очищена от митингующих по санитарным соображениям, и в настоящее время солдаты и мусороуборочная техника производят работы по уборке и дезинфекции площади».

Через два дня, 7 декабря, в Армении случилось страшное землетрясение. В Баку ликовали только явные отморозки. Большинство сочувствовали, но многие качали головами: Бог их, армян, наказал, доказал и подтвердил, что неправы они, что Карабах – наша земля.

Поднимают бетонную плиту спасатели, под ней женщина придавленная. Ей хотят помочь, вытащить, но она первым делом спрашивает:

– Карабах нам уже отдали?

– Нет.

– Тогда поставьте плиту на место!

Такой анекдот ходил в те дни в Баку. Азербайджанская ССР, конечно, не могла остаться в стороне от такого колоссального бедствия в соседней республике, все же пока одна страна.

Из Баку вылетел транспортный самолет с грузовиками и шоферами, чтобы гуманитарную помощь развести и помогать при разборке завалов. Спешно, как когда-то в Чернобыль, согнали «добровольцев». Один такой ликвидатор, папин знакомый, потом в бакинскую зиму покуривал на улице с голым торсом. У нас хоть сильных морозов и не было, но ветрено и холодно зимой. А ему все было жарко, температура всегда высокая. Страшно даже представить, что он чувствовал в сорокоградусные летние дни.

Разнарядка на помощь Армении папиной автоколонны пока не коснулась, но все мрачно готовились. Жить в тяжелых условиях, много работать, видеть смерть, возможно, возить останки в кузовах – если надо, так надо, добрые дела Бог зачтет. Но при этом еще бояться, что армяне побьют или даже убьют в суматохе... Конечно, там будут русские солдаты и вообще вряд ли будут обижать людей, которые приехали помогать... Или будут? Турок, он для армян и есть турок, так они думали.

Самолет из Азербайджана разбился при посадке в аэропорту «Звартноц». Спасся только один азербайджанец, молодой водитель грузовика. Он просто как въехал, так и остался в своей кабине в хвосте самолета. Задремал там, лень стало выходить, и выжил с переломом позвоночника. В Баку все знали друг друга, и Рустам знал его отца.

Элла уволилась, пришлось последовать совету мужа. Она работала как раз инженером на автомобильном заводе. За армянами перестали какое-то время гоняться на предприятиях и улицах, их даже достойно увольняли, выдавали все бумаги, если в отделе кадров не появились борцы за Карабах.

2. Гетто

Летом 1989 года мой дед Григорий, армянин, решил обменять квартиру на дом в Армении. В Баку с каждым днем иссякающим армянам жить становилось все опаснее и опаснее.

По-первобытному просто, живо, с огоньком изгоняют людей соседнего, ставшего враждебным племени «со своей земли». Человек родился, вырос, живет в отчем доме или построил свой и еще дерево посадил и все такое, а ему раз и объявляют, что он живет на чужой земле и его следует немедленно вышвырнуть. Карабах, с которого все началось, оба народа считают родным, исконным, и неделимым.

Дед вылетел в Ереван, благо авиасообщение еще было, а оттуда вертолетом в Кафан, или Капан, подыскивая себе вариант в Капанском и Мегринском районах. Это южная горная Армения, древняя область Сюник, или Зангезур. Здесь жили азербайджанцы, славящиеся садами. Жили неразвито.

– Где у вас ванная комната или баня? Как же вы купаетесь? – спросил дед у владельца дома, азербайджанца.

Хозяин дома выдвинул из-под кровати жестяной таз.

– Нет у нас бани. Мы в кухне это ставим и поливаем себя из ковшика.

– А вода как?

– Нету водопровода, к роднику идем. Но провести вроде можно.

– А газ?

– Газ в баллонах покупаем для кухни. Топим дровами и углем.

О телефоне даже и спрашивать не стоит.

Зато места красивые: горы, зелень, прохлада, чистый воздух, не то что в Баку. Участки большие, сады роскошные. Но как тут выжить горожанам, которые с трудом передвигают ноги... Дед – инвалид войны, у него протезы на обеих ногах, тяжелые, из железа и грубой кожи. У бабушки ноги больные, она еле ходит. Деду шестьдесят шесть лет, бабушка на год младше.

Эх, знал бы дедушка, что его ждет, совершил бы обмен с легким сердцем. А так он колебался... Да и что-то там не срасталось, хитрые схемы тройного обмена вырисовывались, и посоветоваться надо с женой, с детьми... Уехал он ни с чем.

Вернулся домой, «на Завокзальную», в свой квартал у вокзала, с которого можно на электричке доехать до станции Разина. Так ехала Элла на учебу на окраину в нефтяной техникум, где и встретила Рустама.

Все улицы с царских времен там назывались Завокзальными, различались по номерам. Разумеется, их переименовывали, и не раз, но старые бакинцы употребляют дореволюционные названия.

Большинство обитателей здешних улиц жили в общих дворах и были армянами. Во дворах, как в кастрюлях, кипела южная жизнь, орали дети, случались драки, женщины вырывали соперницам волосы, мужчины пускали в ход ножи, страшные сапожные, которыми вспарывали животы, и финки, и заточки – пики. Можно было наблюдать развалившихся за нардами «откинувшихся», блатных в татуировках на корявых коричневых телах, бесстыдно вываленных душным летом, попадались и экзотичные в те годы наркоманы.

Модники закладывали сложенные клетчатые носовые платки за ворота пестрых рубаш, носили длинный ноготь на правом мизинце, сверкали начищенными импортными туфлями. «Под импорт» им тачали и многочисленные настоящие сапожники, зарабатывающие ножами честные деньги, перекусывающие наспех хлебом и помидорами. Местные портные шили модные штаны фотограмам, инженерам, музыкантам, стройными рядами возглавлявшим похоронные процессии; мастер по восточным барабанам нагара, русский парень, сушил на улице

тонкие кругляши кожи, заготовки. У его мамы, маленькой бабы Нюры, был ужасно умный кот Васька. Когда хозяйки долго не было, он ходил встречать ее в магазин.

Когда-то Завокзальная была холмистой, пересеченной местностью, на склонах, на траве армяне устраивали маевки с домашним сыром и вином, царили деревенские нравы, недавние селяне умудрялись даже держать свиней. Потом город задрапировал все неровности булыжником и асфальтом. Крутые склоны спрятали под каскадами лестниц и террасами. Оставили лишь серые ленты скудной земли, которые засадили подстриженными кустами, тузовыми и оливковыми деревьями, запыленный тут собирали дети, оливки солили дворовые умелые хозяйки.

Дедушка и бабушка жили в «растворе», отдельной квартире с отдельным входом с улицы на углу дома, на углу 4-й и 5-й Завокзальной. Эту жилплощадь деду предоставили после войны. Приняли во внимание, что фронтовик и инвалид войны с беременной женой, родителями, тремя братьями, двумя сестрами, одна из которых новорожденная, ютятся в двух тесных комнатухах в полуподвальном помещении в общем дворе. Жильем помещение, которое ему выделили, назвать было нельзя. Как раз пресловутой крыши над головой и не было. Изрядно обгоревшая, она не спасала от дождя и снега.

– Сидишь, кушаешь, а в тарелку ящерица с потолка падает, – весело рассказывала бабушка Амалия о тех днях. Несмотря на то, что свекор вместе с ее дедом крышу подлатали как могли.

Комната, которую дали молодой паре, раньше служила конторой домоуправления, располагалась в угловой части большого одноэтажного дома. В контору вела парадная дверь, вход был с улицы. Обычно здешние обитатели заходили к себе через двор, жужжащий улей, беспорядочно напичканный сотами комнат и комнатухек, отделенный от улицы деревянными воротами с калиткой. В этом доме, как и в родном дворе Григория, как и по всей Завокзальной, люди побогаче и некоторые старожилы жили повыше, а остальные прозябали в полуподвалах и подвалах. Многие, в том числе и отец Гриши, вгрызались в землю и обустраивали дополнительные комнатухи без окон, в которых в самый знойный бакинский день было темно, сыро и прохладно.

Контора пережила пожар. Стены стояли крепко, но обуглились, пообгорели. С потолком и полом было похуже. Но плотники помогли, подремонтировали, сколотили грубую мебель, и молодые обустроились. Оборудовали отдельную кухню. Поставили кирпичную печку для приготовления еды и обогрева, топили опилками. Позже над ними вырос второй этаж, но потолки остались все равно высокими. Дед ходил по инстанциям и с годами присоединил еще комнату. Выбил право на отдельную ванную комнату с туалетом, выкроил из большой кухни, нанял мастеров, которые поставили унитаз, а затем и ванну (роскошь и невидаль). Для получения горячей воды использовалась взрывоопасная колонка «пятиминутка». Григорий доказал чиновникам, что ему, инвалиду на протезах, и его сыну, который стал инвалидом после перенесенного в младенчестве полиомиелита, трудно ходить в общий туалет во двор и мыться в общественной бане через дорогу.

Две ступеньки и у входа железная скамейка в квадратный метр шириной, намертво вкопанная в асфальт, служила местом сходов с соседями в летние вечера. Семечки лузгали, мороженое ели, чай пили, в нарды и шахматы играли, еще и стулья на улицу выносили. Железная дверь двойная, ее закрывали, только когда надолго покидали квартиру, сенцы и двойные застекленные двери. В летние дни до позднего часа не закрывали даже стеклянных дверей. Из сеней входящие попадали прямо на кухню.

С началом *событий* на тех армян, которые решили уехать, соседи смотрели, как на паникеров и блаженных придурков. Как можно покидать навсегда, вы слышите – навсегда, Баку, а тем более Завокзальную? Свой район надо защищать от понаехавших еразов.

Когда летом 1988 года в Баку начался очередной «виток конфронтации», в один из напряженных дней я оказался у бабушки на Завокзальной. Стояла жара. Гетто готовилось к обороне. Сидевшим у дверей теткам было приказано запереться дома.

– Там азербайджанцы толпой идут. Закройтесь дома и приготовьте что-нибудь, чем отбиться. Топор, например, или что-то такое... На всякий случай. Но они не пройдут. Мы им покажем!

Улица была тихой, как всегда в летний будний день, только тревожно пустынной, все забрали детей. Нам с бабушкой было любопытно, мы постояли на лесенке, надеясь, что успеем закрыть двери вовремя. Особо смотреть было не на что. Мимо на небольшой скорости проехал неновый «Иж Комби». Лысый упитанный мужик размеренно прокричал в мегафон, высунувшись в окошко: «Армяне, соединяйтесь! Армяне, вооружайтесь»!

Мы с бабушкой решили дальше не испытывать судьбу и поспешили вооружиться, заперев двери. Стало тенисто.

– Чападжах пойдет?

Бабушка взвесила в руке внушительный тесак для разделки мяса. Я нашел в ванной палку, видно, запасной черенок для швабры, и дихлофос. Им бабушка травила редких черных тараканов, мух и муравьев. Им можно прыскать в рожу нападающим. Эффект от советской химии будет страшный. Глазки вытекут. В дополнение достал из кухонного шкафа угрожающий старый нож, которым обычно нарезали сырое мясо, лезвие съела частая заточка. Но вообще это было смешно. Нам с бабушкой стало смешно даже тогда. А папа, который заехал за мной, с озадаченной улыбкой покачал головой и, как обычно, закурил. Он увез меня домой на всякий случай. Нападения на Завокзальную, впрочем, не случилось.

Спустя год, летом 1989 года, никто и не вспоминал о защите родного района. Блаженными считались несчастные армяне, от беспомощности или вследствие помутнения рассудка не спешащие покинуть этот Баку-Везувий.

– Дядя Гриша, надо уезжать. Дальше будет только хуже!

– Советская власть этого не допустит, – говорил «партийный» Григорий, но и сам засуетился, но как-то неохотно.

Бабушка тоже не разделяла панических настроений.

– Что нам сделают? Кому мы нужны? А я вообще, честно говоря, не хочу уезжать из Баку. Как уеду? Я здесь родилась, выросла, здесь мама похоронена. Я в Армению не хочу. Там одна нация – армяне. Все там варятся между собой, говорила она.

В отличие от деда Гриши, к армянскому книжному патриотизму она была равнодушна.

Однако все меньше и меньше знакомых лиц на улицах, а еще совсем недавно редко можно было встретить чужого на Завокзальной. Уж в лицо-то все знали друг друга, примелькались. Ясное дело, что были случайные прохожие, но чаще попадались соседи, родственники, дальние родственники, друзья, одноклассники, односельчане и их потомки. А тут вещи грузят, каждый день все больше и больше грузовиков, то у 15-го номера, то у 17-го, то у 11-го, бойко загружают разобранную мебель, телевизоры, посуду, всякий хозяйственный скарб, «интеллигенты» – книги в связках и картонных коробках. Заказывают железнодорожные контейнеры. Пожитки идут в южную Россию и Армению, куда в основном их хозяева и переселяются, сдавая дворы враждебным пришельцам.

Дед душным августовским вечером возвращался из гаража, оставив там машину. Было еще светло. Его гараж наверху у зоопарка; чтобы дойти до дома, ему нужно было спускаться вниз.

Идти Григорию от гаража до дома на протезах не меньше получаса. Остывает асфальт после жаркого дня, заляпанный черными пятнами осыпавшихся раздавленных ягод шелковицы. Дед в раздумьях, как дальше жить. Он хромает, бредет не спеша. Закончил день раньше, «халтура» не особо задалась, дед после выхода на пенсию «халтурил» на своем «Запорожце».

Машину Григорию выдало государство за почетную инвалидность. Вечерами у него была стабильная проверенная клиентура – таксисты из расположенного неподалеку таксопарка, которых после окончания смены развозил по домам дед-конкурент. Это могло затянуться до ночи, а дед в последнее время предпочитал все же засветло возвращаться. У картонной фабрики, когда уже пройдено больше половины пути, возникли три пацана, азербайджанцы, на вид лет шестнадцати-семнадцати. Стали задираить. Толкнули, но дед удержался на ногах, вернее все же на культях и протезах.

– Ребята, я инвалид войны, – сказал дед.

– Ну и что, ты же армянин! – ответили ему и сильно ударили кулаком в челюсть.

Он упал на колено, но все же смог удержаться и не упасть навзничь. Хорошо, парней отогнал какой-то мужик и помог деду встать.

Дед получил перелом челюсти. У него угрожающе распухло лицо, произошло воспаление, развился абсцесс, нагноение. Маме, которая приехала его проведать, сказал, что попил холодной родниковой воды в Армении, и поэтому воспалилась десна. Элла, делая отцу какие-то примочки, в эту версию не поверила и через несколько дней добилась от него правды, которую дед рассказал со слезами обиды на лице. Всплакнула и Элла.

– Надо вам уезжать, лучше уже не будет, мама.

– Элла, я понимаю, но как я вас оставлю? Как я внуков не смогу видеть?

– Мы тоже уедем со временем. Но на Завокзальной жить нельзя, это опасно. На вас могут напасть, не дай бог! Не хочу пугать вас, но все что угодно можно от них ждать, от этой ерзани. Надо искать варианты, маклеров привлечь. Понимаешь, под лежащий камень вода не течет. Шевелиться надо.

– Куда нам ехать?

– Ну, например, к Сусанне в Ростовскую область. Она же папина сестра. Вот хотя бы к ней вещи перевезем, мебель. У них же двор там большой. Контейнер закажем, Рустам поможет с грузовиком. Но так же нельзя! Резину тянете, судьбу испытываете! Мама, папа, не дай бог что-то с вами случится.

– Но нам еще надо квартиру твоего брата продать в микрорайоне. Там, ты знаешь, четырехкомнатная, за нее должны дать хорошо. Маклер обещал.

– В общем, все, давайте упаковывать. Я вам помогу.

– Дузес асум. Ты права, доченька, – подытожил дед.

Тетя Сусанна раньше жила в Сумгаите. Когда случился погром, ей с мужем повезло гостить у родственников в Баку. Сыновья прятались на чердаке пятиэтажки.

В скором времени дедушка раздобыл большие картонные коробки, и бабушка споро начала упаковывать вещи.

Мебель и прочее имущество было решено перевезти к нам. Они тоже должны были перебраться в наш дом, как упакуются. Тетя Аня, сорокачетырехлетняя мамина сестра, которой в июне настойчиво предложили уволиться по собственному желанию с трикотажной фабрики, где она проработала у станка больше двадцати лет, уже жила у нас. Считалось, к пожилым людям врываться не станут, устыдятся.

Раз днем, когда деда не было дома (он отправился на встречу с маклером, чтобы показать покупателю дядину квартиру), «клиенты» пришли к ним сами.

Задребезжали дверные стекла от бесцеремонного стука.

Бабушка через матовые стекла увидела в сенях двух мужчин лет сорока.

– Кто там? – спросила она, но дверь приоткрыла. Трудно все же жителям Завокзальной не открывать двери посторонним.

– Квартира продаете?! – один из мужиков подтолкнул дверь, чтобы открыть ее шире

– Нет, нет, не продается, – сказала бабушка.

– А зачем э не продаешь, ай эрмени. Мы хорошо дадим! Можно зайти?! Зайдем, посмотрим, да, – и попытался войти, но Амалия удержала дверь и оттолкнула входящего.

– Уходите, уходите! – сказала она раздраженно и громко, получив в ответ приглушенную бранную скороговорку.

Мужчины подрастеряли наглую решимость, но уходить не собирались. Один из мужиков, ухмыльнувшись, проворно просунул в закрывающуюся дверь ступню. Но бабушка с неожиданной для пожилой тетки силой и решительностью быстро потянула дверь на себя и резко двинула мужика по ноге. Наглец выдернул поспешно ногу, и бабушка быстро повернула ключ. Мужчины погалдели, по разу вдарили ногами по двери, но не сильно. Лишь еле заметная трещина пробежала по стеклу.

Все же это были не подонки, а по виду обычные простецкие мужики, скорее всего еразы, которые решили по дешевке прикупить жилье, а то и с обстановкой, предварительно чуток припугнув армян.

Еразы – азербайджанцы, переехавшие из Армении, сокращение от словосочетания «ерванский азербайджанец». Эти выдвинутые пришельцы заполнили Завокзальную, они покупали у армян, обменивались, занимали их квартиры, и чем больше армян проживало раньше на улице, тем опаснее она стала для оставшихся.

Среди еразов есть разные люди. Некоторые дружелюбно настроены к армянам, они родились и выросли среди них, говорят по-армянски несравнимо лучше, чем бакинские армяне, а есть и те, кто породнился с армянами. Но большинство еле сдерживают ненависть и презрение, да и сдерживать не хотят. Такие считают, что движимое и недвижимое имущество армян принадлежит им по праву. Все остальные полагают, что предлагать надо как можно меньше и время работает на них.

Припугнуть бабушку было сложно, в ней было много упрямства и иронии. Она была звинчена и растеряна, но не хотела никому уступать. Женщины часто оказываются мужественнее мужчин. Дед же стал сдавать, все же удар в лицо сказывался. Дело не в физических страданиях и не в нравственном потрясении, которое переживает избитый «интеллигент». Григорий вырос на улице. В детстве и юности, в 30-е годы, когда с одеждой было плохо, он дрался, раздеваясь до черных широких трусов. Противники на дворовых поединках раздевались, чтобы не попортить одежду, и складывали ее со всей возможной аккуратностью. Даже после войны, будучи инвалидом, но молодым, он был задирист и однажды, возвращаясь с женой со свадьбы друга, пьяный придрался к фонарному столбу, в темноте приняв его за незнакомого нахала. Амалия не успела разубедить его, и дедушка разбил кулак в кровь.

Конечно, для любого пожилого человека, которого по идее должны уважать младшие, получить по лицу, да еще и не иметь возможности достойно проучить обидчиков – большая неприятность. Но не это главное. Просто дед понял, что общество и «хёкюмет», то есть власть, государство, не могут и не хотят его защитить. Он беззащитен, с ним и его женой могут сделать все что угодно и даже убить. Даже если бы он не был инвалидом и смог бы дать сдачи, какая разница? В другой раз нападет больше людей, ударят ножом или трубой по голове. И это подрывало самообладание Григория, хотя с виду он пытался крепиться.

Бабушка упаковала все вещи в картонные коробки, мебель, какую могли, сами разобрали они с дедом. Рустам помочь тестю и теще не мог, ему было не до этого, смерть отца потрясла его и закружила в суете похорон и поминок.

Уже начался октябрь, но дни стояли теплые, ясные. Около пяти вечера, а все еще солнечно. Шторы и тюль в гостиной у бабушки задернуты, так тенисто и безопаснее, но одна створка окна открыта. У подоконника курит дед. Он то курил, то бросал, но как тут не курить? В хорошие времена дед до самой зимы курил у приоткрытой входной двери, сидя на табурете. Да, двери сейчас надо запирать.

Окно большое, зарешеченное, подоконник шириной в письменный стол. Ведь стены толстые, дом старый и сложен из огромных глыб. Когда-то бабушка хотела устроить выдолбленные в стене шкафчики под всеми подоконниками для хранения всякой всячины. Дядя Арам, друг и земляк деда, мастер на все руки, был приглашен их соорудить. Его хватило на два окна, адская работа долбить такой камень.

Дед курил, когда в окно влетела железка. Звякнула и резко развалила и без того исчезающую повседневность. Григорий вздрогнул и уклонился, но в любом случае железка его бы не задела. Кусок заточенной толстой арматуры. Так припугнуть гораздо проще и приятнее, чем звонить по телефону с угрозами и кидать записочки в почтовые ящики. Бабушке и дедушке уже писали и звонили. Еще в прошлом году. И даже камень в окно кинули, раз ночью, разбив стекло на кухне.

Арматура, зашвырнутая в окно, произвела впечатление: бабушка и дедушка 7 октября, в День Конституции СССР, переехали к нам. Захватили с собой документы, деньги, облигации займов, какие-то колечки-цепочки, пару царских золотых червонцев, постель и кое-что из одежды.

– Нападение на нас сделали. Кинули в окно железку, хорошо, в деда не попали. Вот такую, – рассказала мне бабушка и показала руками, какого размера была железка. Она рассказывала про влетевшую арматуру живо и улыбаясь, как о происшествии скорее удивительном, чем страшном. Как если бы в окно заползла ядовитая змея.

Но настроение у них было подавленное, квартиры не продавались. На «двушку» на Завокзальной покупатель все же нашелся, и 12 000 рублей он предлагал. Но время тянул, да и обидно было за такие деньги продавать, когда подружка бабушки, тетя Зарварт, продала свой полуподвал через дорогу за 14 000. С дядиной квартирой ничего не получалось.

Квартиру сыну пробил Григорий, лет пять назад. Сорокаоднолетний дядя Беглар, инвалид детства, недавно уехал с молодой русской женой. Уехал в Поволжье, на родину жены. Она из Инзы. Бабочка простая, с пацанчиком от первого брака. Ядовито-притягательная. От чернявого Беглара еще двойня белобрысых мальчишек. Дядя укатил на своих «Жигулях» шестой модели с самодельным ручным управлением. Копаться в моторах машин в отцовом гараже – дело стоящее, но от *событий* не спрячешься и в смотровой яме. Клиентура своя пошла, и деньги хорошие, но и на новом месте не пропаду – вопреки инвалидности он был самоуверен.

Поволжье ему хорошо знакомо было, туда он время от времени уезжал на заработки. У Беглара еле ходили ноги, зато своими руками он мог многое: фотографировать и снимать кино на любительскую камеру, разбирать и собирать моторы машин, чинить телевизоры, шить обувь, дефицитные женские зимние сапоги с мехом. В Самаре он с завокзальными парнями и пытался наладить обувной «цех». Денег не было, так свою первую машину вложил, подарок родителей, купленный с большим напряжением, «Жигули» -фургон цвета «золотое руно» с самодельным ручным управлением. И в аварии попал, и дело не заладилось – горе-цеховики – и с партнерами переругался, и мыкался, мыкался. Бабушка занимала деньги под процент у соседки Мани и выручала его. Да, процентчики и процентщицы в Баку водились. Наконец женился, вернулся в родной город и переквалифицировался в частного «моториста», справил патент.

С перестройкой бизнес можно было уже делать легально, поэтому дядя был сторонником Горбачева. Он не любил Сталина, а любил The Beatles. В молодости носил яркие шелковые

рубашки и пиджаки без воротников, модные черные очки, стригся «под битлов», отращивал длинные волосы, густейшие бакенбарды и дружил с редкими бакинскими хиппи.

Элла все возмущалась отъездом брата и его жены. Беспечно, как дети, бросили свое имущество на родителей, лишнюю ношу, которая наверняка перетянет свою.

Бабушка раздражаться на сына не умела, она поставила Беглара на ноги в прямом смысле. Походить по земле на здоровых ногах ему было суждено недолго, всего месяца три, заболел полиомиелитом в год с небольшим. Ей советовали отправить ребенка в дом инвалидов. Мол, кроха не поймет, а ходить и даже встать на ноги он все равно не сможет. Сын в коляске, муж на протезах – какая это жизнь? А ты молодая, родишь еще сына, говорили бабушке.

Когда ее сын подхватил роковую заразу, Амалия была беременна, совсем некстати, как она думала. И решила извести плод с помощью специальной бабки. Ведь после войны аборт были запрещены, страна потеряла слишком много людей.

В больнице младенец горел в жару, и матери, которой разрешили находиться при нем, тоже было плохо. Ее мучили тошнотворная слабость, высокая температура и все прочие последствия...

– Да вы и сами больны, мамаша. Что с вами? – спросила врач.

Амалии пришлось сознаться. Врачи осмотрели и обещали помочь, но при условии, если она выдаст бабку.

– Расстреливать таких надо! – сказали они.

Но бабушка выдать специальную бабку отказалась. Тянулось время в тусклом ночном свете.

– Доктор, пожалейте ее, у нее больной ребенок, – сказала нянечка. И Амалии помогли.

После этого бабушка решила обязательно родить. Она подумала, что если не родит, то ее накажет Бог и больному сыну станет еще хуже. Через год родила Эллу.

– Если ты наберешься терпения, я, конечно, не обещаю, что сын будет футболистом, но ходить будет, – сказала бабушке доктор Алиева.

Ходил дядя плохо, сильно хромал. Его слабые и неразвитые ноги поддерживали специальные протезы, похожие на дедушкины. В детстве Беглар обходился без них, но совсем уж жалостно передвигался, это даже ходьбой не назовешь. Ломал ноги. Потом, после очередной серии операций, врачи на него надели протезы, соврав родителям, что это временные приспособления, фиксаторы, и через пару лет, конечно, парень обойдется без них.

Небогатую мебель дядюшки, изрядно поцарапанную детьми, и прочие вещи дед еще раньше успел загрузить в железнодорожный контейнер и отправить в Самару.

Рустам нашел грузчиков и приехал помогать тестю. Дворовые отбросы косились на армянское имущество, бросали на Григория недвусмысленные взгляды и бормотали угрозы и проклятия. Этим дело не ограничилось. Следом раздался страшный звук разбиваемого стекла, и в одну из комнат влетел здоровенный булыжник. Потом еще пара камней в другие стекла.

– Рустам, ты не оставляй меня тут одного, давайте сначала я поеду, а потом уже ты, – попросил зятя дед.

– Да, да заводите машину спокойно. Я стою здесь, – достал папа сигарету и, окидывая двор своим фирменным суровым и тяжелым взглядом, веско закурил. «Запорожец» надо програть, «раскочегарить», трогается он медленно. Так сразу и не рванешь с места.

Через день, после переезда к нам, 9 октября, дед забеспокоился. Не сиделось ему на месте.

– Поеду проведаю нашу квартиру, – сказал он и утром отправился на Завокзальную.

Поставив машину, уже понял, что случилось то, чего он опасался: решетка на окне в комнате была сорвана. Вскоре дед, подскочивший настолько резво, насколько позволяли протезы, к входной бесстыдно распахнутой двойной железной двери, убедился, что у них побывали грабители. Грабители – это мягко сказано. Да и не было отродясь таких наглых грабителей. Мародеры попались настырные. Вынесли все, что можно было вынести. Унитаз и умывальник разбили, не смогли отковырять. С кухни стащили мойку, хотели прихватить и газовую плиту, даже сдвинули ее с места, развернули, да так и бросили: видно, лень стало отсоединять. Или побоялись газа, или газового ключа не захватили. Вырезали телефон, дотянулись до потолков и вырвали люстры, сорвали занавески. Не говоря уже обо всем остальном, упакованном. Спoderучно уносить, все аккуратно сложено в коробки. Только запасной протез Григория издевательски поставили в центре спальни.

3. Красное солнце

Детство – жаркое лето. Жаркие дни рябят в памяти, как легкие барашки на морской глади. По ним рассекает босой юродивый поп, окропляет чернявых детей водой из флакончика и гладит их по голове, и раздает конфетки. Босые, пыльные и здоровенные крестьянские ступни уверенно топчут раскаленный асфальт Завокзальной.

Русский священник, седой и бородатый, как Лев Толстой, волосы на голове стянуты в хвостик. Я опасался черной рясы и старался не попадаться на его пути, к тому же взрослые учили у чужих ничего не брать. Я чувствовал, что «дедушка» был добрым, и его улыбка только подтверждала это, но странная одежда и странные действия настораживали. Почему он брызгает на головы детям из маленького стеклянного флакончика? Колдует или хулиганит? В длинном черном балахоне с большим крестом на цепи.

– Марожна, марожна, – истошно, для непривычного страшно орет продавец мороженого с тележкой на подшипниках, средневековый вопль перекрывает редкий шум машин, в самую жару на улицах тихо. Бабушка дает мне рубль и велит купить пять пломбир в вафельных стаканчиках, и я догоняю мороженщика, он толкает тележку и движется плавно и быстро, как конькобежец, но догнать его всегда получается. А старец, согбенный коробейник с мешком, приходил сам, доставая из заплечного мешка дефицитное печенье «Юбилейное». В белой тубетейке и с благообразной бородой, он больше походил на дервиша, чем на «спекулянта».

Детство – ясные, жаркие, застывшие дни и море. Поехать на пляж – самое большое удовольствие. Деда еще надо уговорить отвезти в его редкие свободные полдни. Путь все же неблизкий, километров тридцать-сорок, а дела всегда найдутся. Дед, хитро улыбаясь, выдвигал условие:

– Если хоть веточка пошевелится, не поедим. Значит, если здесь небольшой ветерок, на море будет сильный ветер.

Еще он говорил: «солнце красное к утру моряку не по нутру», а вставал он рано и за большой кружкой горячего сладкого молока (за что высмеивала его бабушка – как маленький) успевал заметить, какое солнце. Мол, ветра надо ждать, и тогда попробуй уговори.

Он не захотел стать плотником, как отец. И стал моряком. Был рулевым на танкере «Кремль», ходил в Махачкалу, Астрахань, Иран.

В детстве я с диким нетерпением и предвкушением счастья ждал, когда вдруг между ослепительно солнечным безоблачным небом и желтой выжженной степной полосой покажется лазоревая линия на горизонте. Линия ширится, плотнеет, наливается синью.

Я кричал «Ура!!! Море!» Но до пляжа было еще ехать и ехать. Мы приближались, а заветная линия к моему кратковременному огорчению пропадала, и показывался поселок. Дома, заборы, сложенные из камней-голышей безо всякого раствора, по старинке, пионерлагерь, морская часть с якорями и звездами на железных воротах, узкие улочки, пыль. Потом снова показывалось море уже во всей красе, самодовольное, невозмутимое, как здоровая, красивая крестьянка. Как же спешишь раздеться и залезть в эту холодную воду. Каспий прохладный в любую жару. Не было в детстве для меня большего счастья, чем окунуться в него.

Иногда купался и дед. Старался как можно ближе подъехать к воде, это легче в будние дни, когда народу поменьше. В выходные все лежали плотно, загорали.

Раздевался не спеша в «Запорожце», отстегивал протезы. Левая нога отрезана ниже колена у икры, на правой нет пальцев. Григорий, сидя, боком, ползком добирался до моря,

руками отталкиваясь от горячего песка. Вот уже вода, слишком мелко, еще усилие – все, поплыл. Умело, кролем и брассом, на спине, отдыхая, потом снова вперед, и пропал из вида.

В море ноги нужны, но не как на земле, рук опытному пловцу вполне хватает.

И другие, и ветреные, и туманные, уютные и скучные дни я помню, когда холодно у бабушки. Она любила свежий воздух, ей нравился холод, отопления в квартире не было. Да и откуда ему взяться было, централизованному в старом доме. В холода вопреки всем правилам противопожарной безопасности у бабушки целыми днями горел газ, конфорки синели тихими огоньками. На огонь ставили чугунные круглые пластины, на них следовало потомить свежесваренный чай в разрисованном красными цветами чайнике. Летом на этих раскаленных блинах пекли баклажаны.

Календарь настенный с Ильичом из журнала «Работница» на матовом стекле, скучная программа «Сегодня в мире», крепкий чай с кусковым сахаром вприкуску. Да, с настоящим сахаром, кубики которого не так уж просто поколоть специальными щипцами. Гудит, свистит бакинский ветер, и жутковатые сумерки за окном.

Весной бабушка пекла на раскаленных противнях «жянгяляв хац», тонко раскатанные лепешки, начиненные букетом зелени, а еще вкуснее с дикими травами – у армян любой сорняк расцветает деликатесом. Белое тесто покрывается мелкими кругляшками ожогов, как и лаваш. В старину на Завокзальной пекли на листах металла, положенных на кирпичи, во дворах и угощали друг друга.

Дедушка и бабушка поженились, когда в Баку отменили светомаскировку, в конце апреля 1945 года. Знакомы они были с детства. Дед ходил на костылях. Слегка лопухий, горбоносый, то с бородой, то с тонкими усиками, невысокий, да еще война подкоротила, волосы зачесаны назад, широкий лоб. Невеста – восточная красавица с большими зелеными глазами.

Накрыли стол во дворе, устави́ли бедной едой. Еще каждый гость принес что мог. Поставили графины с красным домашним вином, которое продавали тайные спекулянты-винооторговцы, и бутылъ тутовки из дедовой родной карабахской деревни. А из инструментов музыкальных кто-то приволок балалайку. Какая же свадьба без музыки? На русской балалайке подбирали армянские песни.

Он просился в военно-морской флот, но попал Тбилиское пехотное училище. Вообще, у него была бронь, он не подлежал мобилизации. Мне в детстве говорили, что дедушка добровольцем ушел на фронт. Потом я узнал, что да, добровольцем, но по факту он вынужден был поступить так, поскольку проспал отход своего судна. Заскочил отдать матери консервы и мыло, прилег отдохнуть и не проснулся вовремя. Прибежал в порт, а корабль ушел. Получается, опоздал, не вернулся из увольнения. О, даже представить себе страшно, что за это могло быть тогда, в 1941 году. Гражданский флот был мобилизован. Поэтому и бронь была у Григория, не просто же так.

Опоздав на корабль, дедушка, недолго думая, пришел в военкомат и записался на фронт добровольцем. Пройгнорировав желание отправиться в военный флот, военкоматские чины оценили то, что дед был комсоргом корабля и стахановцем, и направили его в пехотное училище.

Много лет прошло, а вспоминал о море, команде, и в этих его скупых, но важных воспоминаниях все было радостно и солнечно. По привычке называл мою куртку бушлатом, а свое пальто шинелью. Море давало чувство значимости и превосходства над сверстниками. Он получал зарплату и паек: крупы, консервы, конфеты. Он стал кормильцем в юные годы, им гордилась семья: прокормить надо было трех младших братьев и совсем маленькую сестру. С едой

было плохо все и до войны, и после войны: мясо по праздникам, фасолевым суп – лакомство для настоящих мужчин, благо растет быстро фасоль, армяне, как мексиканцы, не могут без нее.

Паек изменил его судьбу, и он стал солдатом. Танкер «Кремль» разбомбили в Астрахани. В 1942 году путь из Каспия в Волгу был опаснее иной передовой, да еще с грузом нефти.

В память о флоте и несбывшейся судьбе военного моряка Григорий заказал наколку большого, на всю грудь, матроса в бескозырке с гранатой в поднятой руке и автоматом – в другой. Внушительно выглядел синий героический матрос даже на уже порядком иссохшей груди. Набросок сам дед делал, он же с детства неплохо рисовал, а после войны по вечерам живописью занимался. После работы в литейном цеху молодой фронтовик самолично грунтовал холсты, аккуратно копировал маслом «Последний день Помпеи» Брюллова, делал портреты Ленина и Сталина и с фотографии написал портрет покойной тещи по желанию жены. Амалии понравился, соседи говорили: как живая получилась. Это не помешало бабушке считать занятия живописью блажью, и холсты сгнили в подполе.

Молодым лейтенантом послужить Григорию не пришлось. Немцы, как водилось в том 1942 году, прорвали оборону и вышли на участок... И курсантов Тбилисского пехотного училища послали сдерживать противника. В училище Григория отправили в марте, а уже в июне он попал на передовую. Абхазия, озеро Рица, Красная Поляна под Сочи, Туапсе.

В противниках 1-я горнострелковая дивизия вермахта, та самая, с цветком эдельвейса, немецкие горные стрелки не моложе 24 лет. У них опыт, отличное альпинистское снаряжение, экипировка, чистые, богатые ранцы, хорошие бритвы, шоколад.

Многим курсантам нет и восемнадцати еще, у них винтовки, вещмешки с сухарями и гранатами вперемешку. Надо все на себе таскать – горная война, в горах какой транспорт. Что гранаты, мины к минометам и сами минометы. В тушеной капусте черви, и своему товарищу и земляку Жоре, тоже с Завокзальной, он говорил, что это сало, чтобы тот ел. Консервов полно, хлеба не хватает. Поначалу Григорий менял махорочку и трофейный табак на шоколад, но потом втянулся. А к выпивке пристрастился уже на «гражданке», торгуя на рынке шерстяными носками, а то и водкой и вином. Водка и вино помогают забыться, забыть о том, что ты молод, но не можешь ходить, и культя постоянно саднят.

Провоевал он лето и осень, в ноябре был «уволен по ранению». Короткий бой, бабахали немецкие минометы, полз по снегу до своих, гангрена. В Тбилиси влили спирту в глотку, долго ковырялись в ранах, терпи или ори сколько хочешь, хоть и завой. От ампутации отказался, известили отца, приехал за ним из Баку. Дома ползал, ноги не заживали, лег в госпиталь в Баку, и все же пришлось резать. Резали под местным обезболивающим, Григорий слышал глухой звук падающей в таз мертвой плоти.

В Красной Поляне отдыхал брат деда, профсоюзный работник Вазген, тоже фронтовик. Их повели на экскурсию на места боев и, к своему изумлению, в списке погибших на монументе он обнаружил ФИО брата. Фамилия редкая, да еще даты совпадают. Он понял, что по ошибке написали. Дед потом приехал с семьей туда же по наводке брата. Дед и бабушка не любили поезда и самолеты, предпочитали им «Запорожец». Начиная с «горбатого», с «консервной банки», так и до Москвы доезжали. Отдохнул Григорий, могилку свою проведаль, и на фоне монумента сфотографировал его дядя.

– Раз похоронили, теперь точно сто лет проживу, – шутил дед.

Элла писала юным следопытам, благодарила за память об отце, но все же попросила недоумение устранить. Ей ответили и пообещали устранить.

У деда было наград немного. Один боевой орден – Красной Звезды. За бой за 216-ю высоту, пояснял он. В детстве я прогрыз импортную дефицитную футболку, чтобы нацепить дедову звезду. Красное на серебре, гладкие, как шелк, рубиновые лепестки, сдержанная сила,

пять острых лучей, советский сюррикэн. Мне влетело, пристыдили: дефицитный импортный костюмчик, а ты его испортил, если бы еще проколол, а то зубами... Бабушка не одобряла и дырки на пиджаке, да и вообще вышучивала привычку надевать награды.

Орден тоже унесли среди прочего. Пластмассовая шкатулочка с наградами и значками была среди вещей, которые бабушка упаковала в коробки. Не знаешь, что внутри, сюрприз. Но можно вскрыть, всласть пошарить. Нашли орден? Дали, как игрушку, детям или просто выбросили на помойку?

Я бы написал: мой дед был моряк, солдат и рабочий, и это было бы красиво. Но большую часть своего трудового пути он торговал пивом в пивном ларьке. Его устроил туда мужик бабушкиной сестры, азербайджанец. Она попросила помочь с работой: инвалид в литейном цеху, денег не хватает. Так дед стал «пивником». Все начали ему завидовать: ясное дело, пиво разводит и деньгу заколачивает. Но он пиво не разводил и всегда приговаривал, что заработает на пене, «что на пене, то мое, а портить пиво не буду». И пошла о нем на 8-м километре (так район назывался) добрая слава, к нему приходили пить пиво, специально приезжали. Удобств никаких, стоишь у ларька, пьешь на улице, но зато пиво хорошее. Для постоянных клиентов была и нелегальная водочка по разумной цене, он запускал их по одному, и закусточка под водку была – бутерброды с селедкой, и, конечно, бабушка варила горох-нут, раскладывая его по бумажным кулечкам. Слава об армянине – торговце пивом осталась и после того, как он вышел на пенсию, и после того, как его изгнали из родного города. Старые шофера, проезжая через 8-й километр, вспоминали о нем. И Рустаму рассказывали, говорили: помнишь такой ларек, там пиво было хорошее, не разводил армянин. Знаешь такого? Пил пиво тут? А папа кивал, улыбался: что-то, мол, не припоминаю, хотя, может быть, и останавливался, да так, пиво как пиво. Не мог же он сказать, что это был его тесть.

В ларьке продавался и лимонад, дед брал пару бутылок пива для себя и лимонада для меня. Работал он допоздна, приходил аккуратно к программе «Время», у нас она начиналась в десять. Он летом неспешно нарезал вкусный салат из помидоров, огурцов, красного лука, зелени: кинзы, тархуна, базилика, который у нас называли рейхан. Он пил пиво за своим поздним ужином, а я «Дюшес», и «Буратино», и «Байкал». Я помню и ларечек, и его кошек. Он был добрый человек и любил животных, кормил всех кошек вокруг, их котят, специально брал для них что осталось, что бабушка даст. Принимал роды у кошек. Он любил собак, немецких овчарок, в одно время, в 60-е еще, страшно ими увлекся, ходил в клуб, но не сложилось: Пальма попала под машину – сыну-инвалиду не хватило сил удержать поводок; Амур сбежал – был молод, дурашлив и обидчив, дедушка наказал его, а на следующий день, на прогулке, пес не вернулся к ноге. Вдалеке была свора, тянуло суками. Эх, на здоровых ногах догнал бы, Амур не сразу в галоп пошел, дразнил, испытывал. Джульбарс оказался криволапым, а дед был собачник-перфекционист: какая немецкая овчарка с лапами колесом, в клубе засмеют, и отдал с глаз долой знакомому мужику дом охранять.

4. Изгнание

Дед в растерянности закурил. Рука с сигаретой дрожала, протезы не держали, а сесть было не на что. Григорий решил отправиться к участковому. Вдвоем они зашли в обобранную квартиру. Участковый озадаченно пыхтел в усы и всем своим видом выражал сдержанное, неглубокое сочувствие. Развел руками, покачал головой и дал понять, что надеяться на эффективное расследование даже не стоит.

– Не вы одни, у нас уже несколько таких случаев в районе за последние дни. Спасибо скажите, что вас не было дома, когда они ворвались. Спасибо скажите, что живы э остались! Уезжать надо поскорее, вот мой совет, доверительно и успокаивающе сказал милиционер-азербайджанец.

Ясное дело, мародерствовали простые обыватели, которые никакой милиции не боялись. Завалились и не спеша хватили все подряд.

Дед ехал назад к нам, и в дороге, как озноб от лихорадки, сотрясало его холодное и безжалостное чувство, что он уже здесь чужой, в этом вдруг ставшем совсем не родным, неприятном городе. Это уже был не Баку для него. Баку никак не мог быть таким злым, хищным городом. Баку – совсем другой город. Вроде и улицы знакомые, и здания стоят, а все другое. Рассыпался и провалился под землю его город.

Когда дед заскрипел протезами на пороге гостиной, а, несмотря на непростые времена, у нас были открыты и железная калитка, и входная железная дверь, Элла с матерью смотрели по телевизору сеанс Кашпировского. Бабушка совсем не верила в эффект от модной телетерапии, но мама, и сама не особо доверявшая Кашпировскому, уговорила ее предаться медитации перед экраном.

Григорий пробормотал что-то вроде «добрый день». Был полдень. Совсем недобрый. Мама поняла: дед что-то хочет сказать, но как же сеанс? Надо смотреть неотрывно, тем более там самая ответственная часть – групповое погружение в транс. Правда, ни ее, ни бабушку эманации Кашпировского не понимали. Но мама старалась поймать обещанный целебный транс и даже глаза закрывала. Правда, потом говорила, что на нее ни один гипноз не действует.

– Папа, давай позже поговорим. Садись лучше Кашпировского посмотрим.

– Я пойду покурю, доченька, – сказал дед глухо и надрывно. В этой фразе Элла услышала тревогу и вышла с ним. Григорий три раза безуспешно чиркнул спичкой, привычно сложив ладони ковшиком. Руки дрожали.

Я возвращался из школы и увидел маму в слезах на улице. Она ходила звонить в большое семейство армянина дяди Яши, сидевшего на чемоданах на отшибе улицы. Телефона у нас не было. Элла позвонила Рустаму. Ну, а что мог сделать папа?

– Квартиру дедушки и бабушки обокрали! Все вынесли, все, – пояснила мне мама. – А они еще недавно спальный гарнитур купили новый. Все, сволочи, унесли, чтобы они сдохли!

Скоро стало ясно, что квартиры – ни дедушкину, ни дядину – не продать. Никто ломаного гроша не даст армянину. Зачем платить, если можно взять даром. Если и выполняются обязательства, то по уже заключенным сделкам. Про Завокзальную вообще нечего говорить. Кому нужны квартиры в гетто, населенном «деревенскими» и озлобленными переселенцами из Армении? Разве приличный бакинец туда сунется жить?

Ездить по городу деду стало смертельно рискованно.

– Я еду по родному Баку, как разведчик в тылу у немцев. Как в кино себя чувствую, – говорил Григорий.

– Эх, папа, папа, ну почему ты не открыл газ?! А?! Взял бы да и открыл, и взорвались бы, сволочи. Все равно там и все соседи такие же. Тебя бы и не заподозрил никто, подумали бы,

утечка от того, что плиту двигали или еще чего, – причитала Элла. Дед на такое был неспособен.

На семейном совете было решено ехать в Москву искать правды. В самом деле, ведь Советское государство и партия, в которой Григорий состоял, не могли оставить гражданина, да еще инвалида войны, без жилья на старости лет. Имущество не столь важно, много ли надо пожилым людям. Хотя бабушка потрясена. Хорошая мебель, импортная посуда, серебряные ложки, цветной телевизор, одежда, отрезы тканей, матрасы и одеяла, по старинному обычаю набитые овечьей шерстью и простеганные, – это все потеряно и уже не нажить.

Наскребем с миру по нитке, утешают все ее. И правда, много ли надо пожилым людям и разведенной женщине. А вот жилье в приличном регионе, прописка и пенсия – как же без этого? Хотя у бабушки пенсия то смешная – 20 рублей в месяц. Пришлось и во время войны у станка постоять, снаряды тачать по 12 часов в день, но стаж небольшой – после войны с детьми все сидела.

Элла с отцом в начале ноября выехали в Москву и остановились у Багдасара, дальнего родственника мужа сестры дедушки. Багдасар, у которого мама была русская, жил с русской женой Светой в большом экспериментальном доме напротив Даниловского рынка. Огромным серым реликтовым «Титаником» он подплывает к рынку до сих пор.

У Багдасара невообразимая двухуровневая квартира. Выдали взамен трех комнат в коммуналке на «Кропоткинской», оставшейся от отца. Предки Багдасара бежали в Москву от резни в Баку еще в 1905 году.

Наивная мама ходила в приемную Верховного Совета на Моховой, Совет ветеранов, хотела на прием к союзному премьер-министру Рыжкову записаться. Был же дед в свое время на приеме у всесильного «отца» Азербайджана Мир Джафара Багирова. Попросил пенициллина для умирающего сына, а он тогда по специальному разрешению отпускался.

Потом Багирова поставили к стенке, а дед ходил и к «хрущевскому» первому секретарю Ахундову комнату выбивать. А тут квартиру потерял. Почему бы не добиться аудиенции у Рыжкова.

Мама, скованная в Баку, пыталась проявить всю свою энергию в Москве. Дед был расшатан и расстроен. *События* подорвали его веру в справедливое мироустройство. Да и невероятно трудно ходить по Москве, ездить в метро на протезах. А их, конечно, футболили по инстанциям и четко дали понять, что на прием у Рыжкова даже не стоит надеяться. Это исключено, пояснил более-менее доброжелательно настроенный чиновник из Совета ветеранов. Все, что могли сделать там, – это переписать данные, принять жалобы и спустить их вниз в инстанции Азербайджанской ССР. Это даже не смешно.

Маме посоветовали прописать дедушку у каких-нибудь близких родственников в Москве и встать на учет. Эта хитрая и длинная тропа могла привести в перспективе к порогу новой квартиры. Прописаться в Москве – нереально, честно ответила мама. Она знала, что такое прописка для москвичей, да и близких родственников в столице не было. Тогда ей сказали, что могут посодействовать в устройстве родителей в дом престарелых.

Побывала Элла и в постоянном представительстве Армянской ССР в Москве. Туда ей настоятельно порекомендовали сходить чиновники. В постпредстве они с дедом попали в толпу гудящих беженцев-армян, требующих и требующих себе мест в гостиницах и пансионатах Подмосковья. Мама поняла, что и тут есть и старики, и ветераны. Одного старого, еле двигающегося дядьку родня просто привела и оставила в вестибюле постпредства на диване. Просто подкинули, как подкидывали раньше детей, чтобы его поскорее определили в больницу или дом престарелых.

– Ничего мы не добились, вот хорошо только папе пальто купили теплое. Холодно в Москве, а он в плаще... Прописаться негде, да и у Багдасара оставаться уже напряженно

было. Квартира, конечно большая, но там дочь, зять, младшая дочь... Они хорошие люди, но неудобно. Да и вряд ли бы чего добились. Одно хождение по кабинетам бессмысленное. Никогда не прощу себя за эту поездку, только отца бедного гоняла по этому метро на протезах. Ему было очень тяжело, а все бесполезно, – рассказывала мама.

В конце ноября дедушка и тетя Аня, сестра мамы, выехали из Баку, улетели в Ставрополь к родственникам. Там жил брат деда, там была надежда прописаться. Рустам их провожал. Бабушка еще оставалась у нас.

5. Смерть

Отец моего отца в конце 40-х годов тридцати с лишком лет от роду покинул свою родину. Не родное селение, а село недалеко от Дербента. Там они с братом на пару построили еще до войны хороший двухэтажный дом. А родное селение было в горах, их оттуда советская власть выселила на равнину для своего спокойствия. Рахимхан родился в мирном 1913 году и в юности был пастухом, а грамоте его обучил мулла.

Потом он попал в армию, где кое-как научился говорить и писать по-русски. Ему земляк начертил табличку, где каждой русской букве соответствовала арабская. Служил дед в Баку, в войсках НКВД долго, лет десять, и дослужился до старшины, на фронт не попал.

Дед через пару лет после демобилизации ударил баллонным ключом своего односельчанина. Этот поступок предопределил мою судьбу, и я не родился дагестанцем.

Рахимхан после армии хотел работать шофером. Он нашел старый грузовик, своими руками отремонтировал его и покрасил. Запчасти достал за свои деньги. Он намеревался работать в местном совхозе, машина принадлежала государству, но по факту распоряжался бы ей дед, возил бы в том числе и «левые» грузы.

Однажды с утра он не обнаружил грузовик на машинно-тракторной станции. Весь день дед не мог понять, куда исчезла машина, и страшно разволновался. Обидно, и поездить толком не успел, заботливо пока обкатывал.

Оказывается, другой местный шофер без спросу сел в его грузовик, поехал по своим делам, перевез какой-то груз, подзаработал и вернулся ночью.

На резонные слова Рахимхана, что так поступать некрасиво, односельчанин ответил с вызовом. К тому же выяснилось, что «застучал» у машины мотор. Слово за слово, дед и не выдержал, а инструмент оказался под рукой.

Никакой кровной мести не последовало. Более того, родственник нахала пришел ночью к деду и сказал, что дела плохи и лучше бы ему скрыться. Угонщик был человек неприятного нрава, и его не любили в поселке. Участкового в селении не было, а из райцентра приехали только утром.

Они не успели, Рахимхан сбежал в Баку. Это большой город, где можно было затеряться и отсидеться. К тому же столицу Азербайджанской ССР он хорошо знал. Односельчанин выжил, и через много лет они с дедушкой помирились. Хотя лицо угонщика помятым осталось на всю жизнь, можно сказать, дед изуродовал его.

Лезгин с той поры на родине был только в гостях. Дом, который они построили на пару со старшим братом, дед уступил своей племяннице. Брат погиб в немецком плену. По обычаю, Рахимхана после армии решили уговорить жениться на вдове брата, чтобы он заботился о ней и племяннице. Но дед отказался, а когда племянница вышла замуж, уже в конце 50-х, дом уступил ей, хотя опять же по обычаю должен был наследовать своему брату.

Рахимхан поселился в мрачном бакинском рабочем поселке Кишлы. Женился на лезгинке, которая приехала в Баку работать. Но она вскоре умерла от родов, а через несколько месяцев умер и ребенок. Это была вторая его жена. Первая жена, односельчанка, не смогла родить. Они мирно разошлись еще до побега в Баку, и дед впоследствии с ней общался, когда приезжал.

В третий раз Рахимхан женился на армянке Парандзем, сироте. Их с бабушкой первым совместным жильем была комнатка в бараке рядом с работой. Потом он получил от государства землю на окраине под частный дом и пустил корни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.